

СБОРНИК

МУЗЕЙ

МОНСТРОВ

(СБОРНИК)

Сборник
Альфред Хичкок
Музей Монстров (сборник)
Серия «Альфред Хичкок
представляет», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45307547

*Музей монстров:
ISBN 978-5-900782-16-4*

Аннотация

Продолжением серии Хичкоковских сборников стали 15 готических новелл, жанра, давно известного и полюбившегося в Новом свете. Это коллекция в основном научной фантастики пятидесятих годов с некоторыми из более ранних дней. Все эти истории были ранее опубликованы в научно-фантастических журналах той эпохи, и здесь их курировали вместе с темой «монстров» и выбирали по мере необходимости для юных читателей. Наверное кому-то эти истории действительно покажутся страшными. Однако после прочтения книги истории не кажутся такими страшными, но они все еще хорошо написаны и интересны. В целом, Музей Монстров – хорошее чтение для людей любого возраста. Рекомендуются всем, кто любит странные, жутковатые истории, фэнтези, художественный вымысел и т. п.

Содержание

А.М. Барради	5
Роберт Грейвс	17
Дональд Хониг	28
Дон Маскилло	38
Роберт Маккэммон	43
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Музей монстров

© С.Трофимов, Перевод. 2011.

© ООО "Остеон-Групп". Макет. Оформление. 2019.

osteon-fond@mail.ru

А.М. Барради

Музей монстров

Пока служители музея провожали последних посетителей, управляющий пригласил Раймонда Ньюсона в кабинет и выслушал его предложение. Осмотрев потертый костюм репортера, он понял, что этот человек уже проиграл свою битву с миром. Несмотря на уверенный и даже настоятельный тон, в голосе Ньюсона слышались хитроватые и просительные нотки, по которым без труда узнаются люди, привыкшие к частым отказам.

– Вы не первый обращаетесь к нам с такой просьбой, – сказал управляющий. – Фактически, я выслушиваю подобные предложения около трех раз в неделю, и в основном они исходят от молодых людей, которым хочется провести ночь в нашем «Логове убийц» и таким образом утвердиться в глазах своих друзей. Несмотря на довольно значительные пожертвования я пока не находил причин для удовлетворения их прихотей. Представьте, сколько неприятностей обрушится на наши головы, если кто-нибудь из них свихнется от страха и потеряет последние мозги. Однако в вашем случае дело принимает другой оборот.

– Вы считаете, что репортерам уже нечего терять? – с усмешкой спросил Ньюсон. – Я имею в виду мозги.

– Ну что вы, – ответил управляющий. – У меня нет предубеждений к газетчикам и журналистам. Кроме того, хорошая статья могла бы вызвать публичный интерес и послужить своеобразной рекламой.

– Значит мы можем перейти к условиям договора?

Управляющий засмеялся.

– Вы, наверное, рассчитываете на солидное вознаграждение, верно? Я слышал, что в свое время мадам Тюссо заплатила сто фунтов какому-то смельчаку, который провел ночь в ее «Комнате ужасов». Но учтите, мы не собираемся предлагать вам такие деньги. Кстати, я могу взглянуть на ваше удостоверение, мистер Ньюсон?

– В настоящее время я не связан с определенной редакцией, – смущенно произнес репортер. – Однако моими услугами пользуются несколько газет. И я без труда устрою эту историю в печать – например, в «Утреннее эхо». Вы только представьте себе такой заголовок – «Ночь с убийцами в музее Мэринера». В успехе можно не сомневаться.

Управляющий задумчиво почесал подбородок.

– А в какой манере вы собираетесь это преподнести?

– Леденящий душу рассказ, в котором жуткие моменты будут оттенены нотками тонкого юмора.

– Звучит неплохо, мистер Ньюсон. Давайте договоримся так. Если вашу историю напечатают в «Утреннем эхе», наша фирма выплатит вам пять фунтов стерлингов. Но надеюсь, вы полностью уверены в себе? Сказать по правде, я бы за

такое дело не взялся.

– Почему?

– Не знаю. В общем-то, причин для беспокойства нет. Я видел эти фигуры и одетыми и раздетыми. Мне известна каждая стадия их изготовления. Но я не остался бы с ними на ночь. В принципе, они ничем не отличаются от обычных кеглей, однако атмосфера, которую создают восковые фигуры, производит на меня гнетущее впечатление. Конечно, я склоняю голову перед вашим мужеством, мистер Ньюсон, но мне кажется, вас ждет очень неприятная ночь.

Репортер и сам это прекрасно понимал. Несмотря на бра-
вый вид и вальяжную улыбку, на душе у него было беспокой-
но. Но он знал, что ему нужно содержать жену и детей, пла-
тить за квартиру и по просроченным счетам. Он не мог упу-
стить этот шанс. Гонорар за статью и пять фунтов от управ-
ляющего спасли бы его на пару недель от упреков супруги,
а хорошая история в «Утреннем эхе» могла бы вывести на
какой-нибудь постоянный заработок.

– Пути грешников и репортеров усыпаны терниями, – по-
шутил Ньюсон. – Я ведь догадываюсь, что ваше «Логово
убийц» не соответствует стандартам пятизвездочного отеля.

– Еще вопрос... Вы не суеверны? Я слышал, что репорте-
ры отличаются довольно сильным воображением.

– Вы же понимаете, что голыми фактами читателя не на-
кормишь. Иногда нам приходится привирать – это как слой
масла на куске хлеба. Но в отношении меня вы можете быть

спокойными. Те редакторы, с которыми мне доводилось работать, всегда говорили, что я напрочь лишен воображения.

Управляющий улыбнулся и встал.

– Я думаю, последние посетители ушли. Сейчас мы спустимся в зал. Но прежде мне хотелось бы взять с вас обещание не курить в течение этой ночи. Кстати, сегодня какой-то шутник нажал на кнопку пожарной сигнализации. Хорошо, что в тот час внизу находилось лишь несколько человек. Иначе могла бы начаться паника.

Пройдя через шесть тематических залов мимо королей, принцесс, генералов и известных политических деятелей, они подошли к спуску в «Логово убийц». Управляющий позвал к себе служащего и велел принести вниз «самое удобное кресло».

– Это все, что я могу для вас сделать, – сказал он Ньюсону. – Надеюсь, вам удастся немного поспать.

Они спустились в зал, напоминавший огромный склеп. У основания лестницы располагались орудия пыток – от клещей и дыб инквизиции до более современных приспособлений, включавших тиски, резак и электроды для прижигания различных органов. Чуть дальше в тусклом сиянии матовых ламп тянулись ряды фигур – величайших убийц этого и других поколений. Они стояли на низких пьедесталах, и у каждого в ногах находилась табличка с краткой биографией и описанием преступлений.

– Взгляните, это Криппен, – сказал управляющий, указы-

вая на одну из фигур. – Выглядел так, словно и мухи не мог обидеть. Это Армстронг. С виду простой провинциальный джентльмен. Подумать только! Еще несколько лет назад люди боялись произносить эти имена вслух. А вот Лефрой – гроза всех лондонских предместий.

– А это кто? – спросил репортер, перейдя почему-то на шепот.

– О, он достоин отдельной истории. Доктор Бурдетт! Звезда нынешнего сезона. Из всех персонажей «Логова убийц» только он и избежал смертной казни.

Фигура, которую выделил Ньюсон, изображала хрупкого низкорослого мужчину в сером плаще с накинутым на голову капюшоном. Тонкие усики и лукавые черты лица выдавали в нем француза. Пронизывающий взгляд маленьких черных глаз вызывал у зрителей невольную дрожь.

– Кажется, я слышал это имя, – произнес репортер, – но не помню, в связи с чем.

– Будь вы французом, оно сказало бы вам о многом. Этот человек наводил ужас на весь Париж. Днем он лечил людей, а ночами – резал им глотки. Его не интересовали деньги. Доктор совершал преступления ради дьявольского наслаждения, которое он испытывал в момент убийства. Его единственным оружием всегда оставалась бритва. После серии громких дел он почувствовал за собой слежку и бесследно исчез. Однако полиция Англии и Франции попрежнему ведет его розыск. Говорят, что доктор покончил с со-

бой. Это подтверждается тем, что после исчезновения случилось лишь два преступления, выполненных в сходной манере. Очевидно, у него, как и у других известных убийц, нашлись свои подражатели.

– Мне он сразу не понравился, – признался Ньюсон. – Особенно его глаза. Они как живые!

– Да, фигура сделана мастерски. Какой реализм! Настоящее искусство! А знаете, этот Бурдетт владел гипнозом. Говорят, он гипнотизировал свои жертвы. И именно поэтому такому щуплому мужчине удавалось справляться с довольно сильными людьми. Полиция не находила никаких следов борьбы.

– Что-то вы совсем нагнали на меня страху, – хрипло произнес Ньюсон.

Управляющий улыбнулся.

– Я думал, вы запасли на эту ночь побольше оптимизма. Давайте договоримся так. Мы не будем закрывать решетку на лестнице. Если посчитаете нужным, смело поднимайтесь вверх. По ночам у нас дежурят несколько сторожей, так что вы найдете себе хорошую компанию. К сожалению, я не могу предоставить вам дополнительное освещение. По вполне понятным причинам мы сделали этот склеп мрачным и жутким.

Чуть позже репортеру принесли кресло.

– Куда поставить, сэр? – спросил сторож, скаля прокуренные зубы. – Может быть, тут? Чтобы вы могли поболтать с

Криппеном?

– Оставьте кресло здесь, – ответил Ньюсон. – Я еще не придумал, где мне его расположить.

– Тогда спокойной вам ночи, сэр. Если понадобится,зовите. Я буду наверху. И не давайте этим тварям заходить вам за спину. А то знаю я их – так и тянутся к шее холодными пальцами.

Ньюсон засмеялся и пожелал сторожу доброй ночи. Он выкатил кресло в центральный проход и повернул его спиной к фигуре доктора Бурдетта. По какой-то необъяснимой причине ему не хотелось смотреть на маньяка-гипнотизера.

Тусклый свет падал на ряды жутких восковых фигур. Воздух звенел от сверхъестественной тишины, и это безмолвие напоминало ему воду на дне колодца. Он смело осмотрелся. Воск, одежда, краски... ни звука, ни малейшего движения. Но почему тогда его так тревожил взгляд маленького француза? Ему отчаянно захотелось оглянуться.

«О, Господи! – подумал он. – Ночь только началась, а мои нервы уже на пределе.»

Прошептав проклятие, Ньюсон развернул кресло и посмотрел на доктора. Луч света падал на бледное лицо, подчеркивая мягкую ухмылку, от которой пробирала дрожь.

– Ты только восковая фигура, – тихо прошептал Ньюсон. – Обычное чучело, одетое в балахон.

Да, он сидел среди восковых фигур, и это мимолетное движение, замеченное им при резком развороте, объясня-

лось только его собственным нервным напряжением. Репортер вытащил из кармана блокнот и начал набрасывать план статьи.

«Мертвая тишина и жуткая неподвижность восковых фигур. Словно вода на дне колодца. Гипнотический взгляд доктора Бурдетта. Такое впечатление, что фигуры двигаются, когда на них не смотришь.»

Внезапно он закрыл блокнот и быстро оглянулся. Прямо на него смотрело перекошенное от злобы лицо. Лефрой улыбался, будто говоря: «Нет, это не я!»

И конечно, это был не он. Но Криппен повернул голову на целый градус. Раньше он смотрел на старика Армстронга, а теперь его глаза следили за непрошеным гостем. На миг Ньюсону показалось, что за спиной двигались десятки фигур.

– И они еще говорили, что у меня нет воображения, – с трудом произнес он непослушными губами.

«Но это абсурд! – убеждал себя репортер. – Они лишь восковые фигуры. Мне просто почудилось. И лучше выбросить такие мысли из головы. Надо думать о чем-нибудь другом... О Розе и детях! Интересно, спит она сейчас или тревожится обо мне...»

В склепе витала незримая и мрачная сила, которая тревожила его покой и оставалась за гранью человеческого восприятия. Он быстро развернулся и встретил мягкий злобный взгляд доктора Бурдетта. Вскочив с кресла, Ньюсон

обернулся к Криппену и едва не поймал его с поличным. Он погрозил ему кулаком и мрачно обвел взглядом восковые фигуры.

– Если кто-нибудь из вас шевельнется, я проломлю вам все ваши пустые головы! Вы слышали меня?

Однако восковые фигуры двигались, как только он отводил от них взгляд. Они перемигивались, ерзали на месте и беззвучно шептались гладкими мертвыми губами. Они вели себя как озорные школьники за спиной учителя, и едва его взгляд устремлялся к ним, их лица становились воплощением невинности и послушания.

Ньюсон развернул кресло и в ужасе отшатнулся. Его зрачки расширились. Рот открылся. Но ярость придала ему силы.

– Ты двигался, проклятый истукан! – закричал он. – Я видел! Ты двигался!

Внезапно его голова откинулась на спинку кресла. Глаза затуманились и поблекли, как у человека, найденного замерзшим в арктических снегах.

Доктор усмехнулся и сошел с пьедестала. Не сводя с Ньюсона маленьких черных глаз, он присел на краю платформы.

– Добрый вечер, мсье, – произнес француз с едва заметным акцентом. – По странной случайности нам довелось оказаться этой ночью в одной компании. К сожалению, мне пришлось лишить вас возможности шевелить языком или какой-либо другой частью тела. Но вы можете слушать меня, а этого вполне достаточно. Насколько я могу судить, нервиш-

ки у вас, друг мой, ни к черту. Наверное, вы приняли меня за восковую фигуру, верно? Так вот спешу разубедить вас, мсье. Перед вами доктор Бурдетт собственной персоной.

Он замолчал, сделал несколько наклонов вперед, а затем размял ноги.

– Извините меня. Немного застоялся. Сейчас я попытаюсь удовлетворить ваше любопытство. По известным вам обстоятельствам мне пришлось переехать в Англию. Проходя нынешним утром мимо музея, я заметил полицейского, который слишком уж пристально рассматривал мое лицо. Возможно, он узнал меня или просто захотел задать несколько нежелательных вопросов. Я поспешил смешаться с толпой и за пару монет пробрался в этот склеп, после чего вдохновение подсказало мне путь к спасению.

Стоило мне нажать на кнопку пожарной тревоги, как все посетители устремились к лестнице. Я сорвал плащ со своей восковой копии, спрятал манекен под платформой и занял его место на пьедестале. Но вы представить себе не можете, как утомительно заменять восковую фигуру. К счастью, мне иногда удавалось менять позу и разгонять кровь в затекших руках и ногах.

Я поневоле выслушал все, что говорил вам управляющий этого заведения. Его описание тенденциозно, но во многом соответствует истине. Как видите, я не умер. И меня по-прежнему интересует мое хобби. В каждом из нас сидит коллекционер. Кто-то копит деньги или спичечные коробки.

Другие собирают мотыльков или любовниц. Я коллекционирую глотки.

Он замолчал и с интересом осмотрел горло Ньюсона. Судя по его лицу, оно ему не понравилось.

– Простите меня за откровенность, мсье, но у вас ужасно костлявая шея. Тем не менее, ради случая, который свел нас вместе в эту ночь, я сделаю исключение. Дело в том, что из соображений безопасности мне пришлось сократить в последние годы свою активность. Кроме того, меня обычно привлекают люди с толстыми шеями – широкими и красными...

Доктор сунул руку во внутренний карман и вытащил бритву. Потрогав лезвие кончиком пальца, он легко и плавно взмахнул рукой. Раздался тихий тошнотворный свист.

– Это французская бритва, – вкрадчиво произнес Бурдетт. – Лезвие очень тонкое и без труда рассекает плоть. Один взмах, и мы уже у позвоночника... Не желаете ли побриться, сэр?

Маленький гений зла поднялся и крадущейся походкой приблизился к Ньюсону.

– Будьте так любезны приподнять подбородочек, – прошептал он. – Еще чуть-чуть. Вот так. Благодарю вас, мой друг. Мерси, мсье. Мерси...

Восковые фигуры равнодушно стояли на своих местах, ожидая новых посетителей, восхищенных вздохов и слов умиления. Посреди «Логова убийц» сидел репортер. Его

затылок покоился на спинке кресла. Подбородок задрался вверх, будто Ньюсон подставил его под опытные руки парикмахера. И хотя на горле не имелось ни одной царапины, он был мертв и холоден, словно выставленный напоказ манекен. Бывшие наниматели ошибались, утверждая, что у него начисто отсутствовало воображение.

Доктор Бурдетт по-прежнему стоял на пьедестале и бесстрастно смотрел на мертвеца. На его лукавом лице застыла зловещая усмешка. Он не двигался и не дышал. Да и как могла двигаться восковая фигура?

Роберт Грейвс

Прах к праху

Такие люди, как доктор Стайлпилз, всегда приносят несчастья. И я не раз советовал Хеджам держаться от него подальше. Да только все эти неудачники из города будто дети малые – им дело говоришь, а они знай себе смеются.

Элси работала иллюстратором книг. Ее муж считался перспективным архитектором. Но им пришлось переехать к нам в поселок, потому что городской смог напрочь развел больные легкие Роланда. Мы-то думали, что жизнь на земле прибавит этой парочке ума. Но в битой посуде воды не удержишь. На все мои советы Элси только скалила зубы.

– Вам, наверное, не понравилась его борода. Или вы приняли его за русского шпиона?

Разве этим городским что-нибудь втолкуешь. Махнул я тогда рукой, да и ушел. А зря!

На следующий день Элси пригласила доктора отобедать – как она сказала, назло несправедливым соседям. К тому времени мы уже знали, что доктор Стайлпилз был эльзасцем. И хотите верьте, хотите нет, называл он себя натурфилософом. Да-да, ни больше, ни меньше! Провалиться мне на этом самом месте!

Он принес с собой корзиночку с холодным мясом и запе-

ченным картофелем. В одном пакете находился картофель из нашей овощной лавки, а в другой – с его грядок. И надо сказать, я сроду не видывал таких крупных клубней.

У Элси и Роланда рты открылись от удивления. Вкус у картошки – ну что твой сахар. Так бы ел и ел. А доктор-то усищи свои поправил, да и выложил им тайну чудесных овощей. Рассказал он им о своем методе «горячего» компоста. И метод тот не найти вам ни в «Журнале огородника», ни в рубрике «Очаг» любимой на селе газеты.

По старым книгам и мудреным рукописям научился доктор выращивать особый тип микробов – таких свирепых и злых, что они на ваших глазах превращали в перегной и старые ботинки, и порванный шерстяной свитер, и перекрученный пенек, который не поддавался топору.

Этот метод хранился в большом секрете и раскрывался только верным последователям Юджина Стайлпилза. Лично я отказался присоединяться к ним и поэтому не могу вам рассказать о точных компонентах. Но однажды вечером мне удалось подслушать, как Элси и Роланд обсуждали астрологическое влияние планет, и еще они упоминали рог барана, который следовало растереть в порошок.

Чуть позже я узнал, что в состав входили копыта быка и поджелудочная железа черной козы. Об этом мне намекнул мой приятель Пукки – владелец мясной лавки. Рассказав о странном заказе Элси Хедж, он подмигнул и покрутил у виска толстым пальцем. По правде говоря, я всецело разделял

его мнение, но до определенного момента не придавал большого значения чудным забавам моих соседей. А еще через пару дней Роланд начал расспрашивать нашего ветеринара о том, где можно отыскать болотную мяту и вику. Примерно в это же время им по почте пришла посылка с какими-то корешками из Германии.

Огород Хеджев напоминал размерами теннисную площадку. Они там, в основном, выращивали сорняки, траву и полевые цветочки. И вот однажды посреди этого пустыря появилась маленькая кучка компоста. Как видно, работы велись под пристальным наблюдением доктора Стайлпилза. Он вился вокруг их дома, как вонь у дренажной канавы. И я так думаю, Элси крутила с ним любовь, пока Роланд бегал по полям и собирал болотную мяту.

Через неделю эльзасец уехал в Нью-Йорк на похороны своей сестры. Там-то его и убили во время бандитской разборки. Вы же знаете, как это бывает – стреляют друг в друга, а попадают в случайных прохожих.

Хеджи забрали себе всю его коллекцию эзотерических книг и читали дневники доктора, как святое Писание. Они мусолили эти книжки с утра до вечера, делали выписки и цитировали своего учителя на каждом углу. Чтобы показать другим всю красоту полученного ими знания, Элси и Роланд занялись компостом с еще большим рвением, чем прежде.

Они привезли на огород тачку навоза, смешали его с дерном по особому способу, словно слоеный торт, потом доба-

вили туда две тачки сырых тополиных листьев и уложили вниз не меньше мешка подгнившей брюквы.

Я вышел поглазеть на их труды, и клянусь, меня дрожь прошибла, когда Элси выплеснула из ночного горшка приготовленную ими культуру свирепых микробов. В ее глазах пылал огонь фанатичной веры, и я уже тогда понял, что их затея ни к чему хорошему не приведет.

Они заботились о куче компоста как о малом ребенке. Для подкормки микробов эти чокнутые Хеджи отказались от санитарных удобств. Они соорудили туалет в саду и гоняли туда даже своих гостей, хотя там запросто можно было застудиться и собрать на шею выводок пауков. Но микробы сжигали их подкормку в два счета, поэтому Элси моталась с ведрами по соседям, выпрашивая навозную жижу, словно нищий хлеба. Мы смеялись ей в лицо, да только она пропускала наши слова мимо ушей и неслась вперед, как скорый поезд. А бедняга Роланд бродил с лопатой по сельским дорогам и собирал драгоценные коровьи лепешки – благо я отдал ему за две бутылки бурбона вполне приличную тачку для садовых работ.

В своих книжках они прочитали, что компосту требуются органические добавки. И что вы думаете? Элси начала собиратьдохлых кошек, старую ветошь, увядшие цветы и капустные кочерыжки. От ее огорода шел такой запах, что даже свиньи чихали и кашляли. Обычный человек помоется, да и выльет грязную воду прочь. Но Элси сберегала каж-

дую каплю для полива кучи, поскольку в дневнике доктора Стайлпилза говорилось о каких-то ценных солях, выделяемых человеческим телом.

Как вы знаете, проверкой любого компоста являются грибы. Если они растут на вашей куче, значит компост готов к употреблению. Так вот на куче Элси грибов было видимоневидимо! Хоть косою коси! А жар изнутри исходил такой, что Хеджи могли бы использовать свой компост вместо микроволновой печи.

Первым кризисом в цепи последующих событий стал приезд их дальнего родственника. Старик по простоте душевной доверился какому-то аферисту, купил не те акции и не по той цене, сел на мель, и налоговая полиция добила его маленькую фирму из орудий большого калибра. Он потерял все, в том числе и дом.

Хеджи приняли его с христианским смирением. Накормив и успокоив старика, они уложили его на софу, но утром, когда Элси вышла взглянуть на свою кучу, она нашла неподалеку и родственника – вернее, его труп. Старик, видимо, решил подышать ночной прохладой, да так и умер во дворе от сердечного приступа. Наши остряки считали, что виной тому была вонь от компоста Хеджев, однако я уже тогда догадывался об истинной причине этой загадочной смерти. К тому времени мне стало абсолютно ясно, что их чертова куча могла перемещаться.

За неделю до этого случая мы с Пукки решили немно-

го повеселиться. Впрочем, вы и сами знаете, как это бывает – выпьют мужики бутылку-другую, и зайдет им шлея под хвост. Вот и мы сидели-судачили: он мне про дождь и хворь в коленке, я ему про дочь и двух внучат. И зашел у нас разговор о том, что у миссис Гапс пропала корова. А надо сказать, что в мясной лавке у Пукки коровьих костей всегда хватало. Ну, я ему возьми, да и предложи подкинуть часть ребер на кучу Элси – вроде бы как Хеджи устали таскать дохлых кошек и перешли, мол, на крупный рогатый скот. Мы представили себе, что будет, если посоветовать миссис Гапс поискать свою корову на огороде Хеджев, и хмельная дурь заставила нас воплотить этот план в действие.

Когда мы притащили коровий скелет к куче компоста, Пукки начал выключаться – то ли закладки ему не хватило, то ли доза оказалась слишком велика. Как бы там ни было, он упал, не дойдя до цели всего лишь пары шагов. Вот так и подкашивает нас жизнь в самые ответственные минуты. Мне пришлось заканчивать это дело в одиночку. Я забросил скелет на черную кучу с буграми грибов и заревел от боли, когда микробы, сожрав кончик сапога, добрались до моего большого пальца.

Это был чистый ад. Хорошо, что я догадался помочиться на ногу, иначе они съели бы меня заживо. Не знаю, что тут больше помогло – выпитый бурбон или какие-то другие вещества, но палец я сохранил, и боль постепенно утихла. Страх немного протрезвил меня. Я повернулся к Пукки и

увидел, что его нос касается края кучи. Ему повезло, что к тому времени мне было известно надежное средство защиты. В момент исцеления Пукки пришел в себя и начал кричать, что я – варвар, предавший многолетнюю дружбу. Он обозвал меня самыми последними словами, а потом побрел домой, вытирая мокрое, но спасенное мной лицо.

И знаете, о чем я тогда подумал? Почему же нос Пукки оказался у края кучи? Парень лежал как мешок с зерном – ни одной мысли, ни движения. А упал он в двух шагах от компоста, это я точно помнил. Понимаете, к чему я клоню? Куча Элси двигалась! Она почуяла запах Пукки и поползла к нему, пока я занимался самолечением. Представляете, что могло случиться, если бы не моя оперативность?

Конечно, поверить в такое было трудно. Мне и самому хотелось списать все на пьянку, чтобы поскорее забыть свой ужас. Однако смерть старика укрепила мои подозрения. Бедняга вышел покурить, увидел кучу, которая кралась к нему по огороду, и его сердце не выдержало потрясения.

Где-то дней через десять мы с Роландом решили помянуть старика, и за бутылкой бурбона Хедж признался, что на совести у него неспокойно. Оказывается, их куча успела отъесть родственнику часть ноги, и Элси, испугавшись вопросов полиции, поспешила спрятать концы в воду, а точнее, в компост. Она учла тот факт, что у старика не было другой родни, и потому они составили за него завещание, срезали с одежды мертвеца все пуговицы, вытащили из карманов ключи и се-

ребряный портсигар, а потом забросили тело в компост. Ро-ланд вывалил туда тачку листьев и замаскировал подкормку охапкой прелой соломы.

Я подверг их поступок моральной критике, но он так жалобно смотрел на меня, что мне стало его по-соседки жалко. А когда Роладн выставил еще одну бутылку, я успокоил его и сказал, что не собираюсь доносить на них местным властям.

– Весь твой рассказ – это пустые слова, – подытожил я свое мнение. – Нет трупа, значит, нет и убийства. Да и кто мне поверит, что такие интеллигентные люди, как вы, могли обойтись с родным дядей, словно с дохлой собакой? И все же знаешь, Роланд, ты свою кучу, будь добр, убери. Где это видано, чтобы компост на людей бросался?

Однако куча Элси так и осталась лежать на огороде. Компостом они не пользовались, потому что на выращивание картофеля и других овощей у них не оставалось времени. Эта парочка сумасшедших по-прежнему бродила по поселку, возя в своей тачке отбросы с улиц и рыбного рынка.

Вы можете спросить, почему я называю их детище «кучей Элси»? А дело в том, что миссис Хедж считала себя земной преемницей доктора Стайлпилза. В начале каждого месяца она покупала в цветочном магазине большой венок из белых цветов и возлагала его на черную кучу компоста. Поначалу я думал, что Элси делала это в память о своем эльзасце, но, по словам Роладна, белые цветы служили для их свирепых микробов возбуждающим средством – чем-то вроде бурбона.

Чуть позже куча научилась двигаться быстрее. Я сам не раз наблюдал, как она гонялась за моими курами, которые любили побродить по огороду Хеджев. Она носилась за ними как игривый щенок, пересыпаясь с места на место. А однажды ночью этот чертов компост совершил набег на будку соседской собаки. Пес там был, я вам скажу, кровожадный, как тигр. Его держали на толстой короткой цепи, чтобы он, значит, не драл на людях штаны. Да только куча слизала Цербера, словно десерт. Тот даже и взвизгнуть не успел.

И тогда поползли по поселку слухи. Затрепали языки, как простыни на ветру. Народу только дай повод повозмущаться, сами знаете. Собрались люди у дома Хеджев. Детишки висли на ограде – что тебе ласточки на проводах. И каждый на эту кучу смотрел. А она стояла себе, как вкопанная – будто самая, что ни на есть, обычная, каких за каждым домом хватает.

Элси выбежала во двор и стала разгонять толпу. Говорила, что все это, мол, суеверия и плод больного воображения; что не может простая земля сама собой передвигаться; и что ее перегной является результатом научного эксперимента, а потому нам всем лучше разойтись по домам и не совать свои носы в ее частную жизнь.

Умные люди советовали ей избавиться от кучи. Горячие головы твердили, что надо этого монстра спустить в Гнилой ручей. Но на селе народ уважает право на собственность, и поэтому, предупредив Элси последний раз, мы к полудню

оставили ее в покое. Вот только Гиббсон, хозяин Цербера, решил идти до конца. Он поехал в город и выложил на стол шерифа свое гневное заявление о гнусном поступке соседей.

Утром к Хеджам приехала полицейская машина. Помощник шерифа постучал в окно, потом в дверь, но Элси и Роланд не отозвались. Тут мы с Гиббсоном вызвались объяснять суть дела. И только я начал говорить о куче, глядь – а ее в огороде-то и нет. Мы решили, что Хеджи затащили компост в дом. Гиббсон повел помощника шерифа к задней двери, и тут нашим глазам предстала ужасная картина.

Чтобы сделать историю менее болезненной для читателей, я постараюсь смягчить насколько возможно свой рассказ. Так вот поверьте, меня тогда просто наизнанку вывернуло от этого зрелища. В нижней части двери виднелась огромная дыра. Изнутри шел такой душок, что даже в носу свербело. Помощник шерифа вытащил из кобуры пистолет, мы вбежали в дом, и я заметил, что от двери к спальней комнате протянулась грязная широкая полоса.

Куча лежала на двуспальной кровати Хеджев. Из-под ее краев торчали волосатые ноги Роланда. Элси тоже была мертва, но ее обнаженное тело осталось почти неповрежденным. Тонкое щупальце перегняя тянулось к ее груди, словно рука уставшего и уснувшего любовника. И клянусь, на какой-то миг, в этом легком полумраке спальней, мне показалось, что форма кучи напоминала человеческое тело – раздувшееся, черное, в серых отвратительных грибах тело их

любимого эльзасца.

Мы сожгли дом Хеджев дотла – сожгли вместе с трупами и кучей. Весь поселок собрался на пепелище, и люди, собрав золу до последней пылинки, спустили ее в Гнилой ручей – так мы называем стоки химического завода. В той водичке любой микроб копыта отбросит, можете мне поверить на слово.

Да вот только я все равно тревожусь и с криками просыпаюсь по ночам. Непокойно у меня на душе. Недавно Хеджам пришло письмо, и по причине их смерти я забрал себе эту корреспонденцию – не столько из любопытства, как в память о бедняге Роланде. Письмо пришло из Прибалтики – от двоюродной сестры Элси. И знаете, о чем она там писала? Просила уточнить рецепт, по которому надо выращивать тех свирепых микробов! Мол, все получилось хорошо, но слишком уж быстро они плодятся! И жрут все подряд, превращая в перегной даже бетон и кирпичи!

Вот почему я решил написать этот рассказ. Может быть, люди прочитают его и вовремя поймут грозящую им опасность. Будьте осторожны с кучами компоста! И не говорите потом, что вас не предупреждали.

Дональд Хониг

Человек с проблемой

Далеко внизу, на тротуаре, начинала собираться толпа людей, и он с тупым любопытством наблюдал за ней. Она превращалась в море колышущихся, повернутых кверху лиц. И это море быстро росло, разливаясь по улицам. Все новые и новые прохожие, с тараканьим проворством, сливались с остальной массой, как будто их притягивал магнит. Городской транспорт поддерживал их какофонией тревожных гудков. С высоты двадцати шести этажей все это выглядело крошечным и неправдоподобным. Звуки, доходившие до него, были слабыми, но в них безошибочно чувствовалось возбуждение.

Он почти не обращал внимания на испуганные, изумленные лица, которые появлялись и исчезали в окне. Сначала показался мальчишка-посыльный, который неодобрительно осмотрел его и сморщил нос; затем лифтер, с грубым и пропитым голосом, стал спрашивать, что все это значит.

Он взглянул ему в лицо и холодно поинтересовался:

– Ну, а сам ты что об этом думаешь?

– Ты что? Прыгать собрался? – заинтересованно спросил лифтер.

– Пошел к черту! – раздраженно крикнул человек, стоя-

щий на карнизе.

Он снова посмотрел вниз – на улицы. Транспорт двигался спокойно, без задержек: его еще не заметили.

– После такого прыжка ты уже с земли не встанешь, – проворчал лифтер, отходя от подоконника.

Через какое-то время в окне появилась голова заместителя управляющего. Его лицо на фоне развевающихся на ветру занавесок пылало от возмущения.

– Прошу прощения, – произнес он сердитым голосом.

Человек на карнизе небрежно отмахнулся.

– Вы собираетесь сделать большую глупость, – сказал заместитель управляющего, самодовольно надувшись от своей, как ему казалось, непоколебимой логики.

Наконец, появился управляющий, с почти таким же красным лицом. Он сначала взглянул вниз, затем осмотрел человека на карнизе и после небольшой паузы подозрительно спросил:

– Вы что там делаете?

– Собираюсь прыгать.

– Кто вы? Как ваше имя?

– Карл Адамс. И причина, по которой я хочу прыгать, вас никак не касается.

– Подумайте, что вы собираетесь совершить, – закричал управляющий, и его тройной подбородок задрожал, а лицо еще сильнее покраснело от неловкой позы.

– Я уже все обдумал. Так что уйдите и оставьте меня од-

ного.

Карниз оказался узким – чуть меньше полуметра в ширину. Он стоял между двух окон, но дотянуться до него из комнаты было невозможно. Он упирался спиной о стену, и яркое солнце освещало его во весь рост. Пиджак остался лежать на полу внутри помещения. Белая рубашка была расстегнута, и он напоминал человека, приговоренного к казни.

В окне продолжали появляться головы. Одни говорили с ним спокойно, обращаясь вежливо и называя его мистером Адамсом. Другие говорили снисходительно, словно знали без тени сомнения, что он параноик. Тут был и врач, и служащий отеля, и даже священник.

– Почему бы вам не зайти в помещение? – мягко спросил священник. – Мы могли бы все обсудить и, если надо, исправить положение.

– Обсуждать больше нечего, – грустно ответил Адамс.

– Может быть, вы хотите, чтобы я вылез через окно и помог вам войти обратно?

– Если вы или кто-то другой выйдет на карниз, я прыгну, – лаконично ответил Адамс.

– Вы не хотите поделиться со мной вашей проблемой?

– Нет.

– Скажите, мы можем вам как-то помочь?

– Нет, уходите.

Какое-то время к окну никто не подходил, затем показалась голова полицейского, который осмотрел его циничным

ВЗГЛЯДОМ.

– Привет, мужик, – сказал коп.

Адамс взглянул на него, изучая простодушное лицо.

– Что тебе надо? – спросил он.

– Меня вызвали снизу. Сказали, какой-то парень свихнулся и грозит спикировать. Ты на самом деле собираешься прыгать?

– Собираюсь.

– А что это ты так решил?

– Люблю эффектные поступки. Натура требует.

– Я смотрю, ты юморной мужик, – заметил полицейский.

Он сдвинул фуражку на затылок и сел на подоконник.

– Мне такие люди нравятся. Хочешь сигарету?

– Нет, – ответил Адамс.

Полицейский вытащил из пачки сигарету и закурил. Сделав затяжку, он выпустил дым в наполненный солнечным светом воздух, и ветер разогнал причудливые кольца.

– Сегодня день – что надо.

– Хороший день для смерти, – согласился Адамс, взглянув на полицейского.

– Кончай, мужик. Не лезь в эту мрачность. Семья есть?

– Нет. А у тебя?

– У меня жена.

– А вот у меня нет.

– Это плохо.

– Да, – печально ответил Адамс.

Не так давно у меня тоже была семья, подумал он. Еще вчера утром он уезжал на работу, и Кэрен прощалась с ним в дверях (она не целовала его, как обычно: их супружеская жизнь с некоторых пор обходилась без поцелуев, но она по-прежнему оставалась его женой, и он все еще любил ее, как любил и будет любить до самой смерти; она сказала, что когда-нибудь все равно уйдет от него, но он не давал ей развода и был тверд в своем решении). Около шести часов вечера он вернулся домой, но его никто не встречал, и больше не было жены, не было любви, и вообще ничего, кроме пустого пузырька от снотворного, записки, безмолвной квартиры... и тела Кэрен, которое лежало на диване.

Он нашел на подушке записку, написанную аккуратным почерком, которая объясняла причины. Кэрен писала, что Стив обманул ее. Стив сказал ей, что ситуация изменилась, и он не может уехать с ней далеко-далеко на остров любви. (Как прямолинейно, грубо и бесцеремонно; она могла бы просто намекнуть о Стиве, и он бы все понял. Он знал об их встречах уже несколько месяцев. Однажды он даже видел их в соседнем баре. Да она и не скрывала своего увлечения. Кэрен тогда заявила, что между ними все кончено и, не стесняясь, рассказала ему о Стиве).

В тот вечер он вышел из дома и до полуночи бродил по улицам города. Он даже не помнил, как вернулся домой и заснул. А когда сон исчез, к нему пришли решение и решимость. Он отправился в эту часть города и снял номер в оте-

ле, попросив комнату на самом верхнем этаже. Он знал, что произойдет после этого – произойдет естественно и само собой.

Улицы почернели от любопытных искателей впечатлений. Полиция отгоняла толпу назад, чтобы освободить место под ним на тот случай, если он действительно прыгнет. Он заметил пожарных, которые стояли с натянутой брезентовой сеткой; сверху она казалась круглым черным блином с красным кругом в середине. Но он знал, что она ничем не поможет телу, стремительно падающему с двадцать шестого этажа. И никаким спасателям не удастся помешать ему. Лестницы пожарных так высоко не поднимались. Карниз, который нависал над ним, исключал любую попытку спасения с крыши.

– Это бесполезно и лишено смысла, – бубнил ему человек, высунув голову из окна.

– Можете думать, что хотите, – ответил Адамс.

– Послушайте, я врач, – важно продолжал человек, – я мог бы вам помочь.

– В какой палате?

– Никаких палат, мистер Адамс. Я обещаю вам.

– Теперь слишком поздно.

– Вот когда вы прыгнете, будет действительно поздно, а пока еще есть время.

– Вы лучше пойдите и займитесь теми, кто в вас нуждается, доктор. А мне вы не нужны.

Доктор исчез. Адамс критически осмотрел толпу внизу.

У него возникло странное и необъяснимое чувство, будто он больше не принадлежит им, словно близость смерти отделяла его от других людей. Он стал другим, не таким, как они; он стал далеким и одиноким, как звезда. И все эти люди внизу ждали – ждали падения этой звезды. И они увидят его, подумал он.

Из комнаты доносились голоса, которые о чем-то спорили, что-то затевали и планировали. Они пытались найти способ, который мог бы отвлечь его, Они, наверное, отчаянно звонили экспертам по вопросам самоубийств и психических отклонений.

Он обернулся и увидел в окне лицо, которое внимательно следило за ним. Это снова был священник с большими, встревоженными глазами.

- Может, все-таки договоримся? – жалобно спросил он.
- Нет, – ответил мужчина на карнизе.
- Скажите правду, вам не хочется вернуться?
- Вы зря тратите время, отче.
- Нет, я трачу свое время не зря.
- Уходите. Я не передумую.
- Возможно, вам надо побыть одному, чтобы как следует обо всем подумать?
- Я уже подумал.

Лицо священника исчезло. Адамс снова остался один. Его взгляд вновь перешел на ревушую толпу. Высота уже не беспокоила его, как прежде, когда он только вышел на карниз.

Он почти сроднился с небоскребами, возвышавшимися вокруг него.

Он знал, что люди в комнате придумывали различные методы спасения – канаты, лестницы, сети и подвесные платформы. Им приходится быть очень осторожными, и многие из них сильно сомневались, что он в своем уме.

Вскоре снова появился полицейский. Адамс знал, что он объявится. Он контактировал с ним больше, чем с другими, и полицейский решил предпринять еще одну попытку.

– Эй, Адамс, – небрежно сказал он, вновь устраиваясь на подоконнике, – а ты неплохо поработал на меня.

– Как это?

– Ну, обычно я торчу внизу и регулирую движение на улице. А теперь благодаря тебе я сижу здесь и ничего не делаю.

– Сачкуешь?

– Именно!

– Ты мог бы прохлаждаться и внизу. Сейчас там нет никакого движения.

Полицейский засмеялся.

– Это верно, – сказал он. – Люди внизу только и ждут, когда ты прыгнешь.

Он взглянул на шумную толпу.

– Видишь, как они нетерпеливы.

Адамс посмотрел на него.

– Неужели им так хочется моей смерти?

– А как же! Они уверены, что ты прыгнешь; да они и со-

брались там, чтобы на это посмотреть. Ты же не хочешь их разочаровать?

Взгляд Адамс скользнул по нескольким кварталам, заполненным людьми.

– Тебе здесь не слышно, а они там орут, чтобы ты прыгал, – продолжал полицейский.

– Так уж и орут?

– Ну да. Они уже полдня стоят и ждут, и, наверное, считают, что ты обязан прыгнуть.

– Эти люди похожи на стаю голодных волков, – сказал Адамс.

– Точно. Слушай, неужели ты расстанешься с жизнью и доставишь им такое удовольствие?

Полицейский внимательно следил за Адамсом – за выражением его лица. На миг ему показалось, что он заметил признаки неуверенности.

– Давай, забирайся обратно, – тихо посоветовал он. – Покажи кукиш всем этим мерзавцам.

– Возможно, ты прав, – заколебался Адамс.

– Конечно.

Адамс качнулся, спина его на мгновение оторвалась от стены. Он судорожно прижался к ней и на секунду закрыл глаза руками.

– Что с тобой? – спросил полицейский.

– У меня закружилась голова. Ты не можешь подать руку?

Полицейский осмотрел улицу. На крышах сидели фо-

тографы. Операторы телевизионных новостей наводили на карниз свои видеокамеры. Для утренних газет это будет неплохая фотография.

– Хорошо, – сказал полицейский. – Держись.

Увидев, что полицейский вылез в окно и встал на карниз рядом с неподвижной фигурой самоубийцы, толпа взревела от возбуждения и ужаса. Люди с трепетом следили за тем, как коп осторожно продвинулся вперед и вытянул руку. Адамс цепко схватил руку полицейского.

– Я знал, что ты, в конце концов, придешь ко мне, – сказал он копу. – Вот почему я и выбрал это место.

– Что? – недоуменно спросил полицейский, с трудом сохраняя равновесие на узком карнизе.

– И знаешь, Стив, моя фамилия не Адамс. Кэрен была моей женой. Прошлым вечером она... из-за тебя...

Ужас искажил лицо полицейского. Он попытался отступить назад, но этот безумец крепко держал его за руку. А потом был неожиданный рывок и страшное падение. И он падал и падал, медленно приближаясь к реву толпы. В самый последний миг он чувствовал только твердую и сильную руку, которая, словно тисками, сжимала его запястье.

Дон Маскилло

Месть сестры Кокселл

Сестра Кокселл работала в этой клинике много лет. Она гордилась своим маленьким кабинетом с безупречно чистыми стенами, которые теперь поблескивали свежей белой краской. Посреди стола стояла ваза со светло-желтыми нарциссами, а точно в дюйме от нее находился стаканчик с карандашами. Каждый из карандашей был аккуратно заточен и соответствовал другим по высоте и цвету.

Сестра Кокселл сидела за столом и задумчиво смотрела в окно. Ее мысли вновь и вновь возвращались к встрече с новым доктором.

— Да кто он такой? — говорила она себе. — Нахальный мальчишка! Не успел окончить институт, а туда же! Как он смеет вмешиваться в мои дела! Как он только посмел сомневаться в моей компетентности!

Маленькая ладонь мисс Кокселл сжалась в кулачок. Она встретила с этим выскочкой вчера. Он ворвался на территорию клиники, как ураган, и едва не сбил ее своей машиной. А ведь вокруг столько знаков и предупреждений: «Сбавь скорость», «Проезд запрещен», «Двигаться медленно» и так далее.

«Действительно выскочка! — подумала она. — Выскочка,

которого никто еще как следует не остановил!»

– Вы не ушиблись? – спросил он, выходя из машины. – Кажется, я был несколько невнимательным.

В его темных глазах она не заметила ни капли стыда, но он все-таки смутился, увидев грязное пятно на ее ослепительно белом халате.

– Прошу простить меня, сестричка. Наверное, я вас напугал.

Ей удалось выдавить из себя улыбку.

– Все нормально, мистер...

И она сделала вежливую паузу.

– Доктор Грин, – представился он. – Новый заведующий корпуса «Д».

Она вздрогнула, но молодой мужчина ничего не заметил.

– Корпуса «Д»? – переспросила мисс Кокселл.

– Садитесь в машину, – сказал доктор Грин. – Я подвезу вас к жилому корпусу медперсонала. Так, значит, вы тоже работаете здесь? Может быть, угостите чашечкой чая?

И она позволила ему войти в свою квартиру, не знавшую мужчин. Сняв белый халат, мисс Кокселл тщательно расправила появившиеся складки и поставила на чистую газовую плиту сверкающий никелированный чайник.

А позже, попивая сладкий чай, доктор Грин рассказал ей о том, что он всегда мечтал о работе в психиатрической клинике. Закончив институт с отличием, он получил приглашение в этот лучший и самый престижный госпиталь страны –

приглашение, о котором мог бы мечтать любой выпускник. И доктор Грин, не долго думая, согласился на предложенную должность. Он даже не стал просить о предварительном осмотре корпуса и о беседах с сестрой и санитарями. Ему хватило краткого ознакомления с личными делами будущих сотрудников.

Доктор рассказал ей о планах переустройства и о своих идеях, которые он надеялся внедрить в клинику.

– Возьмем, к примеру, медсестру, которая работает в моем корпусе. Она в этом отделении уже десять лет. Десять лет на одном и том же месте! Вы себе такое можете представить? Да эта женщина, наверняка, потеряла уже свою квалификацию, и я готов поспорить, что она считает пациентов членами своей семьи. О каком лечении мы можем говорить, если она воспринимает их не как больных, а как своих детей!

Он поставил чашечку на блюдце и придвинулся к мисс Кокселл еще ближе.

– А мы-то с вами знаем, сестричка, что происходит с людьми, проработавшими такой долгий срок с психически больными. Они сами становятся похожими на своих пациентов! Завтра мой первый рабочий день, и я начну его с того, что переведу эту старую деву в другое отделение. Она, возможно, не поймет моих мотивов, но такое решение пойдет ей на пользу.

Сестра Кокселл слушала его и чувствовала, как краснеют ее уши. Она удержалась от слез только потому, что вовремя

перевела свой взгляд на ярко-зеленый газон, которым гордилась последние пять лет. Правильные линии лужайки, безукоризненная чистота и свежесть травы придали ей силы, и она закончила встречу ослепительной кроткой улыбкой.

И вот этот день настал. Мисс Кокселл осмотрела свой кабинет. Неужели ей придется уйти? Расстаться с пациентами и санитарями? Оказаться среди незнакомых людей?

– Нет! – воскликнула она и смахнула рукой стаканчик с карандашами.

Ее ум, словно скорый поезд, помчался по стрелкам перепутанных мыслей.

«О том, что он приехал сюда, знаю только я, – рассуждала она. – Доктор провел эту ночь в гостинице, и прежде чем отправиться в административное отделение, он обещал сначала заглянуть в корпус «Д». Надо учесть, что на нем не будет белого халата и других отличительных знаков...»

Дьявольская улыбка тронула ее тонкие губы. Она встала из-за стола и вышла из кабинета. Подозвав санитаря, сестра Кокселл сообщила ему о прибытии нового пациента и, взглянув на пустой бланк в своей руке, задумчиво произнесла:

– Здесь говорится, что мистер Грин страдает параноидальной навязчивой идеей. Он считает себя доктором. Еще один доктор! Забавно, правда? Надо приготовить для него успокаивающее. И будьте начеку, мой друг. Они поначалу такие буйные...

Подойдя к шкафчику, сестра Кокселл достала шприц и

наполнила его янтарной жидкостью. Потом она положила на стол чистую больничную карту, заполнила ее на имя мистера Грина и со вздохом посмотрела в окно.

В ее отделении находились милые заторможенные люди, у каждого из которых наблюдался маниакальный синдром и навязчивые идеи. Многие из них считали себя докторами. И еще никому не удалось отнять у мисс Кокселл это тихое отделение и чистый уютный кабинет. Никому не удалось и не удастся!

Чуть позже ответственный секретарь административного корпуса с возмущением звонил в Главное управление здравоохранения.

– Это кажется странным, Мартон, но за десять лет от корпуса «Д» отказалось уже двенадцать докторов. Хотя должен сказать, что сестра Кокселл справляется с делами превосходно. Так что ваш Грин сваял большого дурака. После нее он сидел бы там на всем готовом.

Роберт Маккэммон

Черные ботинки

Под куполом темно-зеленых небес Дэви Мясник удирал от Черных Ботинок.

Он оглянулся через плечо. Его лицо было прикрыто полями потемневшей от пота шляпы. Песок и камни летели из-под копыт. Конь истошно ржал от жажды, но до Зайонвиля оставалось не меньше часа пути по безлюдной голой пустыне. Солнце, белое, как жемчужина в изумрудном воздухе, выжимало пот, и Дэви казалось, что он слышит, как от жары трещит его кожа. Мясник потянулся за флягой, отвинтил колпачок и сделал несколько глотков. Налив немного воды на ладонь, он поднес ее к губам коня. Язык чалого оцарапал кожу. Дэви вновь глотнул из драгоценной фляги, и в тот же миг какая-то скользкая дрянь зашевелилась во рту под языком.

Он подавился и сплюнул. С губ на песок слетело несколько белых червей. Дэви с ленивым любопытством взглянул на них и вытащил изо рта последнего, который застрял между десной и щекой, словно маленькая полоска табака. Он бросил его на землю. Черви корчились и извивались на песке. С каждой секундой они теряли форму и становились все более водянистыми. А потом они исчезли. От них остались лишь

мокрые пятна. Это что-то новое, подумал Дэви. На всякий случай он пошарил языком во рту, но других червей там больше не было. Встряхнув флягу, он услышал слабый плеск воды. Дэви закрыл колпачок, вытер губы вспотевшей ладонью и осмотрел мерцавший горизонт.

Впереди виднелись только тощие кактусы – такие же пурпурные, как пулевые отверстия на теле мертвеца. Волны зноя дрожали над раскаленной пустыней, будто полотнища бесцветных знамен. Ни одной живой души. Ни одного человека. Однако Дэви знал, что радоваться нечему. Черные Ботинки был где-то там, позади. Черные Ботинки всегда был позади, хотя и становился все ближе и ближе. Белое солнце нещадно палило. Пустыня раскалилась, словно сковородка, на которой жарились он и ящерицы. А где-то позади скакал его грозный враг.

Дэви знал, что это так. Вчера после полудня в баре маленького городка Казамезас он снова всадил в него пару пуль. Одна попала в грудь, вторая – в череп. Черные Ботинки упал, обрызгав кровью соседние столики. Но этот хитрый ублюдок успел-таки выстрелить. Дэви взглянул на запястье правой руки, где пуля оставила бордовую полосу, пылавшую огнем. И пальцы по-прежнему немели, словно от удара. Проклятый урод, подумал Дэви. Если так и дальше пойдет, он меня завалит. Обычно я сбивал его с ног, пока он тянулся к кобуре. Я отправлял его в ад в мгновение ока. Но ад был не властен над Черными Ботинками. Он возвращался вновь

и вновь, пересекая безлюдные земли преисподней.

Разрабатывая пальцы, Дэви еще раз осмотрел горизонт. Никакого намека на Черные Ботинки. Но так было всегда. А потом он вдруг, бац, и появлялся. Мясник вздохнул и, взяв коня под уздцы, зашагал в направлении Зайонвиля. Теперь он двигался немного быстрее, чем прежде. Его взгляд скользнул по кобуре, которая болталась у седла на широком ремне. Рукоятка кольта была из желтой кости, и на ней имелось двадцать две засечки. Хотя после того, как Дэви в пятый раз прикончил Черные Ботинки, он перестал отмечать количество убитых им людей.

Конь нервно дернулся и хрипло заржал. Дэви увидел стервятника, кружившегося над головой. Птица пролетела рядом, будто обнюхивая его, а затем вновь поднялась в зеленое небо. Хлопая крыльями, она начала рассыпаться на части, и ее маленькие кусочки понеслись по воздуху, словно темные клубы дыма. Мясник отвернулся от них и, сплюнув, зашагал к Зайонвилю.

Хотя на самом деле его фамилия была не Мясник, а Гартвуд. Ему исполнилось двадцать четыре года, и он родился с глазами гремучей змеи. Скорость была его госпожой, а дым пороха – богом. Когда три года назад он спутался с бандой Брайса, они прозвали его Мясником за бойню в банке Эбилена. Это прозвище звучало лучше, чем его опостылевшая фамилия. Пусть Гартвудом будет какой-нибудь бакалейщик или продавец обувного магазина. А его теперь звали Мясни-

ком, и Дэви гордился своим прозвищем. В той перестрелке при ограблении банка он за две минуты уложил четверых. На такое был способен только Мясник – безжалостный Дэви Мясник.

Легкий порыв ветра оставил хвост огня от брошенного им окурка. Но Дэви смотрел вперед – в направлении Зайонвиля. Он ориентировался в этих местах так же хорошо, как хищник на своей территории. Быстрый взгляд через плечо подсказал ему, что враг еще не появился. В груди застрял комок, от которого по телу тянулись ржавые струны. Казалось, даже кости плавилась от этой ужасной жары. Он прикоснулся к кольцу, и горячая сталь убедила его в реальности происходящего. Вернее друга не найти – особенно, в таких местах и в такие дни.

Дэви не знал, почему Черные Ботинки отправился за ним в погоню. Объявления о «розыске живым или мертвым» были расклеены по всему Техасу и Оклахоме. Возможно, Черные Ботинки увидел такой листок и решил срубить награду в пятьдесят долларов. Но как же нужно нуждаться в деньгах, чтобы раз за разом, умирая от пули, возвращаться и продолжать преследование? Вот, черт, подумал Дэви. Будь в моем кармане полсотни баксов, я отдал бы их ему, лишь бы он оставил меня в покое. Но Черные Ботинки хотел эти деньги во что бы то ни стало – тут уж не было никаких сомнений.

Дэви снова оглянулся и поймал себя на этом. Ему стало стыдно за свой беспричинный страх.

– Я не боюсь его! – сказал он коню. – Мои пули валили этого парня восемь раз, и если понадобится, я уложу его снова. Нет, сэр, я никого не боюсь!

Однако через шесть шагов он все-таки оглянулся и испуганно замер на месте.

На горизонте появилась фигура. Мужчина на коне? Возможно. Волны зноя превращали все предметы в зыбкие фантомы. Они создавали видения, которых не было на самом деле. Но Дэви потянулся к оружию. Его пальцы обвили рукоятку с насечками и одним рывком достали кольт из кобуры. Сердце забилось сильнее. Горло пересохло. Привкус червей, который по-прежнему чувствовался во рту, вызывал сверлящие боли в черепе. Дэви взвел курок и повернулся к всаднику. Капли пота стекали по щекам к бороде.

Фигура ту же перестала двигаться. Кем бы ни был всадник, их разделяла лишь сотня ярдов. Дэви всмотрелся в зеленое мерцание. Мужчина стоял, наблюдая за ним. Ржавые струны внутри со скрипом натянулись, открывая рот.

– Так, значит, ты гонишься за мной? – с укором крикнул Дэви.

Жеребец испуганно отпрянул в сторону.

– Ты гонишься за мной, ублюдок?

Он прицелился. Его рука дрожала. На стволе играли зеленые отблески солнечного света. Спокойно, сказал себе Дэви. Успокойся, черт тебя побери! Он отпустил поводья и укрепил запястье другой рукой.

Фигура, стоявшая за пеленой мерцающего зноя, не отступала и не приближалась.

– Сколько же надо убивать тебя? – крикнул Дэви. – Сколько пуль надо вогнать в твою дурную башку?

Спокойствие фигуры выводило его из себя. Он не выносил людей, которые не тряслись перед ним от страха.

– Ах, так? Тогда получай!

Он нажал на курок. Это заученное движение Дэви выполнял столько раз, что оно стало рефлекторным, как дыхание. Мощное сбалансированное оружие издало слабый щелчок, но это был обузданный взрыв. От выстрела заложило уши.

– А вот тебе еще подарочек! – хрипло рявкнул Дэви.

Второе, почти нежное прикосновение к курку, и в цель помчалась новая пуля. Он хотел было нажать на курок в третий раз, но вдруг понял, что стреляет в кактус. Дэви недоуменно заморгал, а потом захохотал надтреснутым хриплым смехом.

Так, значит, он спутал Черные Ботинки с растением? И его врага здесь не было и нет? Он потер глаза грязными пальцами и еще раз присмотрелся к кактусу. Да, Черных Ботинок не было.

– Это не он, – сказал Дэви, обращаясь к коню. – Парень меня боится, потому что знает, какой я в деле. Он держится на расстоянии. Но я все равно его убью. В следующий раз я всажу ему пулю прямо в глаз, вот увидишь.

Сунув горячий кольт в кобуру, он тронул поводья, и чалый

пообрел по иссохшей пустыне к Зайонвилю. Дэви поминутно поглядывал через плечо, но Черные Ботинки не появлялся. А денек был из тех, какие нравились его отцу. В свои последние годы старый Гартвуд любил валяться голым на солнце-пеке. Старик обгорал докрасна. На коже появлялись волдыри и ожоги, а он все читал вслух Библию, пока солнце глодало его заживо. И ни Дэви, ни мать, ни сестра не могли заставить упрямца уйти под защиту тени. Он хотел умереть. Дэви помнил, как мать говорила ему это. И еще ту фразу, которую она любила повторять нравоучительным тоном: «Тот, кого карает Господь, всегда сначала теряет разум.»

Рука болела. Костяшки ныли, как от сильного удара. Он взглянул на след, оставленный поцелуем пули, и вспомнил, что в первый раз Черные Ботинки умер, даже не дотронувшись до кобуры. Второй раз он вытащил пистолет наполовину, а в третий – выстрелил в землю, когда пуля из кольта, попавшая в горло, отбросила его назад.

Дэви слизнул пот с багровой раны и вновь подумал о том, что Черные Ботинки набирался опыта. Хотя что тут странного? Не может же человек умереть восемь раз, так ничему и не научившись.

Жажда не давала покоя. Он снова открыл флягу и сделал несколько глотков. Теплая жидкость была соленой и вязкой, как кровь. Дэви выплюнул ее на ладонь, и она потекла сквозь пальцы алыми струями. Он продолжал идти, ведя за собой коня, пока белое солнце на изумрудном небе выжигало его

потроха, а по подбородку сочилась липкая кровь. Дэви думал только об одном. Он думал о Черных Ботинках.

Зайонвиль оказался обычным городком — конюшня, магазин, салун и несколько домов, побелевших на солнце, как старые кости. Рыжая псина с двумя головами бегала вокруг Дэви и чалого и, твякая, скалила обе пасти, пока добрый пиннок по ребрам не научил ее хорошим манерам. У магазина какой-то неуклюжий паренек подметал ступени крыльца. Увидев Дэви, он замер на месте, как и те две пожилые женщины, которые шептались о чем-то в скудной тени.

Через дорогу располагалось небольшое оштукатуренное здание, с табличкой на двери: «Офис шерифа». Окна были зашторены, а слой песка у порога говорил о том, что шериф в Зайонвиле отсутствовал давно. Это вполне устраивало Дэви. Он привязал коня к столбу у салуна и снял с седельной луки широкий пояс. Прилаживая кобуру на бедре, Дэви почувствовал, что за ним наблюдают. Он осмотрелся по сторонам, прищурившись от яркого света, и увидел худощавого мужчину, одетого в помятый костюм и бесформенную шляпу. Тот сидел на скамейке перед небольшим деревянным домом с неприглядной вывеской «Веллс Фарго Банка». Крысиная нора, которую и грабить-то жалко, подумал Дэви. Там не наберется и кармана мелочи. И все же, покидая этот городок, было бы неплохо услышать звон монет в своем кармане.

Паренек на ступенях магазина смотрел на него, открыв рот и забыв о своей метле. Звякнул колокольчик, дверь за его

спиной открылась, и на пороге появилась женщина в белом фартуке. Проследив за взглядом сына, он увидела Дэви и тут же закричала:

– Джозеф, быстро в дом!

– Я только минутку, Ма, – ответил парень.

– Джозеф, я сказала, немедленно!

Схватив паренька за рукав, женщина утащила его внутрь, хотя юноша упирался, словно сом на крюке. Дверь захлопнулась.

– Все верно, Джозеф, – с усмешкой прошептал Мясник. – Ты должен слушаться маму.

Осмотрев улицу, он заметил несколько любопытствующих лиц, которые пялились на него из окон. Нет, здесь никто не будет создавать ему проблем. Дэви вошел в салун. Половицы пола закрипели под его ногами. Один стакан виски, и он решит, стоит ли грабить банк в такой дыре, как эта. А потом он снова отправится в путь.

Салун встретил его спертой духотой, опилками на грязном полу и серым светом, который пробивался через грязные окна. Бармен, толстый мужчина с прилизанными черными волосами и бычьим лицом, лениво гонял мух, размахивая свернутой газетой. Взглянув на треснувшее зеркало за стойкой, он увидел Дэви и приветливо кивнул его отражению.

– Добрый день, незнакомец.

Мясник оперся на стойку.

– Чего-нибудь жидкого, – буркнул он.

Бармен вытащил пробку из горлышка коричневой бутылки и налил ему стакан. Дэви взглянул на двух мужчин, которые играли в карты за дальним столиком. Один из них поднял голову, но, заметив расстегнутую кобуру на поясе незнакомца, тут же вернулся к игре. В кресле у старого пианино дремал старик, над головой которого жужжали мухи. Дэви сделал глоток.

– Горячий денек, – сказал ему бармен.

– Это точно, – ответил Дэви, осматривая бутылки на полках. – У тебя есть холодное пиво?

– Пиво есть. Но без льда и не очень холодное.

Пожав плечами, Дэви сделал еще один глоток. Спиртное было разбавлено водой, но это его не тревожило. Как-то в молодости он убил одного бармена, разбавлявшего виски. Однако теперь все это его не задевало.

– Я смотрю, у вас здесь тихий город.

– Да, в Зайонвиле спокойно, – ответил бармен, прихлопнув муху. – А вы куда направляетесь?

– Куда-нибудь.

Дэви следил за пухлыми руками толстяка, пока тот ловил очередную муху.

– Вот увидел ваш город и решил немного отдохнуть.

– Вы выбрали правильное место. Как вас зовут?

Дэви взглянул на лицо собеседника. Оно было покрыто слоем зеленых мух. Оставались лишь узкие щелочки для маленьких темных глаз. Насекомые деловито забирались в ши-

рокие ноздри и выползали из рта толстяка.

– Разве они тебе не мешают? – спросил он у бармена.

– Кто? – удивился тот.

Его лицо снова стало чистым – без единой мухи.

– Никто, – огрызнулся Дэви.

Он посмотрел на запястье, отмеченное багровым шрамом.

– Меня зовут Дэви. А тебя?

– Я – Карл Хейнс. И это заведение – мое.

В его голосе чувствовалась гордость. Таким тоном папаши хвастаются детьми.

– Тогда мне жаль тебя, – сказал ему Дэви.

Карл удивленно уставился на него, а затем засмеялся нервным смехом. Дэви уже слышал такой смех, и он был приятен ему.

– Так, значит, в вашем городе нет шерифа?

Бармен перестал смеяться и спросил дрожащим голосом:

– А почему вы об этом спрашиваете?

– Из любопытства. Проезжал мимо его конторы, а там пусто.

Он поднял стакан с разбавленным виски и сделал очередной глоток.

– Что же ты замолчал? Не можешь ответить на такой простой вопрос?

– У нас действительно нет шерифа, – печально признался Карл. – Какого-то сюда направили, но он едет из Эль Пасо.

– О, это далекоовато отсюда.

Дэви с усмешкой покрутил стакан в грязных пальцах.

– Ужасно далеко.

– Ну, не так чтобы очень... – смущенно заметил Карл. Он прочистил горло, взглянул на карточных игроков и снова повернулся к Дэви.

– Э-э... Вы же не станете создавать нам тут проблем?

– Разве я похож на человека, создающего проблемы... Он замолчал, заметив, что у Карла Хейнса только один глаз – вернее, пустая черная глазница, из которой выползала маленькая змея. Ее язык дрожал, будто пробуя на вкус спертый воздух салуна.

– Мы здесь мирные люди, – говорил Карл, пока змея выползала из его глаза. – Нам не нужно никаких ссор. Бог тому свидетель.

А Дэви просто смотрел на него. Змея приподняла голову, и ее глаза сверкнули холодным зеленым огнем. У Дэви заломило в висках. Там словно что-то взорвалось, и перед глазами возник образ, который ужаснул его. Он увидел высохший скелет, который лежал под палящим солнцем и читал вслух Книгу Иова.

– Наш городок небольшой и бедный, – продолжал бармен. – Зайонвиль вымирает.

У него снова были два глаза, а змея исчезла. Дэви опустил стакан на стойку. Его пальцы дрожали. Изнутри рвался крик. Он хотел было выпустить его на волю, но затем снова загнал в самый темный и заплесневевший угол своей души.

– Вам плохо? – спросил его Карл. – Почему вы так на меня смотрите?

– Мое прозвище Мясник, – сипло прошептал Дэви. – Оно тебе знакомо?

Карл покачал головой.

– И мной тут никто не интересовался?

Бармен снова сделал отрицающий жест.

– А ты не видел парня в черных ботинках?

– Нет, – ответил Карл. – Мимо проезжали разные люди, но такого я не помню.

– Если бы ты увидел его однажды, то запомнил бы навсегда, – сказал Дэви, рассматривая глаз бармена.

Он попытался разглядеть змею, которая пряталась в голове Карла. Пряталась, сворачиваясь в кольца и ожидая своего момента.

– Этот парень в черных ботинках высокий и худой. Выглядит так, словно давно ничего не ел. Голодный, как черт. Лицо покрыто белой пылью, и ему нельзя смотреть в глаза, потому что от его взгляда замерзают даже кости. Иногда он одет как богач. А иногда ходит в грязной рванине. Так ты его не видел?

– Нет, – испуганно ответил бармен. – Никогда.

– А я видел, – сказал Дэви, опуская пальцы на рукоятку кольца. – Видел и убивал его при каждой встрече. Восемь раз! Одного и того же человека! Симпатягу Черные Ботинки. Понимаешь, он гонится за мной. Он надеется застать меня

врасплох, когда я не буду готов к его атаке. Но я родился готовым, Карл! Ты мне веришь?

Карл издал какой-то нечленораздельный звук, и с его крючковатого носа упала капелька пота.

– У этого парня крепкие нервы, – продолжал Мясник. – Не многие люди отважились бы сталкиваться со мной восемь раз.

Он улыбнулся, заметив, как дрожит рот Карла.

– А этот упрямец не сдастся. Но и я не сдамся, черт бы его побрал!

Дэви снял ладонь с кобуры и начал разрабатывать онемевшие пальцы.

– Одно плохо – он становится быстрее. Каждый раз, когда я убиваю его, он становится немного быстрее. Понимаешь?

Где-то рядом разгоралось пламя. Услышав слабое потрескивание, Дэви обернулся и увидел, что спавший у пианино старик полыхает в голубом огне. На его коленях лежала раскрытая Библия, почерневшие страницы которой корчились и мелькали, как летучие мыши в сумерках.

– Клянусь, – с трудом ответил Карл, – я не видел такого человека.

Внезапно на крыльце послышались шаги. Бармен бросил быстрый взгляд на дверь салуна. Почувствовав чье-то присутствие позади себя, Дэви не медлил. Страх молнией пронзил его от головы до пят. Он быстро развернулся, выхватил кольт и присел, принимая устойчивую позицию. Палец при-

вычно опустил­ся на курок.

– Нет! – закричал Карл. – Не стреляйте! Не надо!

Дэви был готов прикончить Черные Ботинки в девятый раз. Но у двери стоял тот неуклюжий парень, который под­метал ступени магазина. Широко раскрыв глаза, он с ужасом смотрел на чужака. Секунды тянулись одна за другой, а палец Дэви все еще касался курка. Парень протянул к нему от­крытые ладони.

– У меня нет оружия, мистер, – сказал он тонким голос­ком. – Вот, смотрите. Я просто зашел...

Дэви взглянул на посетителей бара. Игроки положили карты на стол. Старик у пианино проснулся и перестал пы­лать в огне.

– Это Джой Макгвайр, – сказал Карл. – Он не причинит вам вреда. Джой, проваливай отсюда! Ты же знаешь, твоей маме не нравится, что ты ходишь сюда.

Парень по-прежнему смотрел на кольт в руке Мясника.

– Вы хотите убить меня, мистер?

Дэви подумывал об этом. Когда его кровь вскипала, ее нелегко было остудить. Но он со вздохом снял палец с курка.

– Ты был очень близок от гроба, малыш.

– Джой! Ступай домой! – не унимался Карл. – И больше не приходи сюда!

– Делай, что тебе говорят, – с усмешкой добавил Дэви. – Это место для мужчин.

– Черт! А я и есть мужчина! – возмутился Джой, остано-

вившись на пороге. – Я могу входить куда угодно и когда угодно.

Парню было лет пятнадцать-шестнадцать. Хочет поместить все, что ему не принадлежит, подумал Дэви. Хочет быстрее вырасти. Прямо как я в своей далекой-далекой юности. Он отвернулся от мальчишки и, допивая виски, решил, что пора отправляться в путь. Пока Черные Ботинки не догнал его в этом дрянном городке. Он посмотрел на Карла. На лбу бармена появилась рваная трещина, из которой сочилось что-то серое.

– Сколько с меня?

– Ничего, – быстро ответил Карл, в то время как слезь заливала ему лицо. – Пусть это будет за счет заведения.

– Мистер? – раздался голос паренька. – А вы сами-то откуда?

– Оттуда, – ответил Дэви, разглядывая трещину на голове у Карла.

Она расширялась все больше и больше, открывая мозг.

– А зачем вам оружие? – не унимался Джой.

С улицы донесся голос его матери.

– Джозеф! Джозеф, немедленно вернись!

Из раны на лбу Карла начала выпячиваться серая масса, покрытая сетью красных кровотоков. Дэви решил досмотреть это интересное зрелище.

– Я могу ходить, куда хочу, – упрямо сказал мальчишка.

Он не обращал на зов матери никакого внимания.

– И нет таких мест, куда бы меня не пускали! Вот так!

– Джой, тебя зовет мама, – сказал ему Карл. – Она снова поднимет здесь шум.

– Нет, я останусь в салуне.

Мальчишка топнул ногой. Под его ботинками зашуршали опилки.

– Разве тебе не больно? – спросил Дэви, указывая пальцем на сочащуюся рану.

Он взглянул в зеркало позади бармена, и его палец дрогнул. Мальчишки за спиной больше не было. Вместо него в зеркале отражался кто-то другой – высокий худой мужчина. Он выглядел голодным, и его лицо было белым, словно никогда не видело солнца. Дэви услышал стук черных ботинок. Рука бессмертного стрелка тянулась к кобуре.

Черные Ботинки, хитрый ублюдок, хотел его обмануть. Он притворился мальчишкой. Он влез в его кожу. Волна холодного ужаса сжала горло Дэви. Он увидел в зеркале блеск беспощадных глаз и с криком выхватил оружие. Черные Ботинки доставал из кобуры свой пистолет, но кольт был быстрее. Карл что-то закричал. Дэви, не слушая его, повернулся к врагу и нажал на курок.

Черные Ботинки рухнул на колени. Пуля пробила ему грудь. Он вытянул руку с пистолетом, но сил прицелиться не было. Поднявшись на ноги, высокий мужчина направился к двери. Его тело пошатывалось, кровь заливала одежду и пол.

– Что вы наделали, безумец? – крикнул Карл. – Вы просто

сошли с ума!

– Ну, что, получил? – хрипло съязвил Мясник. – Я снова обставил тебя, проклятый ублюдок!

Он шагнул к покрытой кровью двери. Его сердце билось бешеным галопом, но ум был спокойным и чистым. Черные Ботинки корчился в пыли у ступеней салуна, а рядом кричала какая-то женщина. Дэви взглянул на нее. Это была мать мальчишки. Она шла к нему пьяной походкой. Ее лицо побелело. Рука зажимала рот. Обезумевшие глаза отыскиали Дэви и застыли на нем. И тут Черные Ботинки попытался дотянуться до оружия.

– Ах, ты, сукин сын! – возмутился Дэви и выстрелил ему в лоб.

Женщина снова закричала. Ее вопль обжигал, как хлыст. Черные Ботинки упал на бок. Пуля разнесла его затылок в клочья.

– Я опять разобрался с тобой, – сказал ему Дэви. – Отплатил за то, что ты подкрался ко мне...

Но в пыли лежал не Черные Ботинки, а мальчишка лет пятнадцати-шестнадцати. Его лицо и грудь покрывала кровь. Женщина застонала и побежала к магазину. У Дэви разболелась голова. Он взглянул на зеленое небо, и у него зашипало в глазах. Взгляд снова вернулся к телу мертвого паренька. А что же случилось с Черными Ботинками? Он же был здесь минуту назад. Если только был... Дэви отступил на шаг от трупа.

Кто-то закричал вдалеке:

– Уходите с улицы! Быстрее по домам!

Поднявшись по ступеням, Дэви вернулся в салун – подальше от яркого света и мертвого мальчишки. И тут раздалось щелканье курка. Он повернулся, доставая кольт. Перед ним, за стойкой бара, возвышалась тощая высокая фигура Черных Ботинок. На этот раз в руках врага было ружье. Увидев приподнятый ствол, Дэви закричал от ярости и нажал на курок. Два выстрела прогремели одновременно. Мясник оказался на полу, хотя и не помнил своего падения. Левое плечо онемело и стало мокрым. Зеркало за спиной противника разлетелось на куски. Черные Ботинки снова прицелился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.